

они существуют *сами по себе*. Если мы познаем вещи сами по себе, нам будет легко установить, и каким образом они являются, тем более, как они должны являться. Если бы истинная реальность феноменов покоилась на их являющемся существовании, то она, конечно, превратилась бы в ничто перед лицом противоречий, обременяющих подобный образ существования. Таким образом, совершенно ясно, что если бы мир, который представляет нам наша рефлексия, был по сути дела таков же *сам по себе*, каким является, то он абсолютно не был бы возможен. Но вселенная предстает перед рефлектирующим разумом не иначе, как в виде синтеза *объективности и субъективности*, или материи и духа. Однако материя и дух абсолютно противоречат друг другу, если они таким же образом суть сами по себе, каким это выглядит внешне. Как же тогда, в таком случае, возможна связь между материальным и духовным мирами, чтобы мир воспринимался единым? Ведь тогда мир, несмотря на то, что о его существовании свидетельствует опыт, постичь невозможно; ибо то, что состоит из противоречащих друг другу свойств, никак не существует. Отсюда следует, что как материю, так и дух следует мыслить себе совершенно не так, как они являются.

¹ Kants Kritik der reinen Vernunft. Fünfte Auflage, S. 454.

² Kants Grundlegung zur Metaphysik der Sitten; Kritik der praktischen Vernunft.

³ Kants Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft.

⁴ Abhandlung für die Geschichte und das Eigentümliche der spätern Stoi-schen Philosophie.

Публикация З. А. Каменского.

Перевод с лат. А. А. Столярова.

З. КАМЕНСКИЙ

Еще о школе Шада. Послесловие к публикуемым диссертациям

В этом выпуске «Кантовского сборника» мы продолжаем публикацию переводов диссертаций школы харьковского профессора И. Шада, в той или иной мере посвященных философии Канта (первые две публикации см. в «Кантовских сборниках» 6 и 7). В этом выпуске публикуются перевод диссертации Г. Гесс де Кальве и отрывок из диссертации А. Дудровича.

Диссертация Гесс де Кальве имеет одну важную особенность, о которой сообщает он сам: «Я первый среди прочих сочтен был достойным при-суждения доктора философии от этико-политического факультета и академического сената Императорского Университета, в Харькове процветающего».

Действительно, его диссертация, защищенная в 1812 году, была первой во всей серии диссертаций этой школы, и она, так сказать, задала тон всему «оркестру». Все сочинения имели полемической задачей критику философии Канта, а исходной позицией, теоретической опорой — философию Шеллинга.

О самом Гесс де Кальве известно больше, чем о других диссертантах школы Шада. Во-первых, потому, что к диссертации приложена краткая автобиография, охватывающая время от рождения до момента написания

диссертации. Во-вторых, потому, что впоследствии Гесс де Кальве стал видным деятелем русской музыкальной культуры и в качестве такового фигурирует в литературе по ее истории*.

Мы не публикуем автобиографию Гесс де Кальве, так как она посвящена зарубежному периоду его жизни. Уроженец Венгрии (Пешт, 19 марта 1784 г.), он перешел на русскую службу с австрийской лишь «по заключении Венского мира» (1809). До 1810 года он служил в русской армии и, лишь женившись в 1812 году на Серафиме Мечниковой (видимо, дочери действительного статского советника Е. И. Мечникова, которому посвящена его диссертация), «порешил... жизнь мою посвятить пользе империи Российской как новой моею отчизне».

В юности учился он разным наукам — математике, праву, но особенно философии, которую изучал в Праге в 1789 и в 1801—1803 гг. Еще до переезда в Россию Гесс де Кальве выступал и как профессиональный музыкант, объехав с концертами Венгрию, Моравию, Саксонию, Польшу.

В литературе о школе Шада (мы указали ее в комментарии к публикации диссертации И. Любачинского, — см.: Кантовский сборник, вып. 6, Калининград, 1981, с. 129, примеч.; нам тогда оставалась неизвестной большая и содержательная статья А. А. Пашковой: Кант и философия на Украине начала XIX века. — В кн.: Критические очерки по философии Канта. Киев, 1975) принято считать, что все диссертации учеников Шада характеризуются единством философской позиции — шеллингианством и критикой Канта с этой точки зрения. И это верно в общем смысле. Но, во-первых, это вовсе не значит, что в *этих пределах* между взглядами диссертантов не было никаких различий, что они различались по преимущественному интересу к той или иной стороне философии Канта и на которую также была направлена и критика. А во-вторых, нам хотелось бы поспорить с мнением, высказанным, в частности, А. А. Пашковой о том, что это была критика «Канта справа» (см. указ. статью, с. 302). В свое время мы также придерживались этого мнения, и в частности о критике Канта Гесс де Кальве, когда опирались на изложение взглядов этого ученика Шада другими авторами, а не на текст самой диссертации (см. нашу статью: И. Кант в русской философии начала XIX века. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 1, с. 57, примеч. 18).

Различия между взглядами диссертантов были, и именно они показывают, что не все в их выступлениях против философии Канта было критикой «справа».

* По сведениям, сообщенным проф. Московской государственной консерватории Л. И. Ройзманом, в книге которого «Орган в истории русской музыкальной культуры» (М., 1979) на с. 130 упоминается имя Гесс де Кальве, который сыграл значительную роль в развитии музыкальной культуры на Украине и в России. Большое значение имела его книга «Теория музыки, или Рассуждение о сем искусстве...» (Харьков, 1818), отрывки которой предварительно печатались в «Украинском журнале» в 1817 году. Книга Гесс де Кальве обсуждалась в переписке А. С. Грибоедова и В. Ф. Одоевского, в библиотеке которого она имела с многочисленными пометками владельца. Л. И. Ройзман сообщил и библиографические сведения о Гесс де Кальве: Музыкальная старина. Сборник статей. Спб., 1907, вып. 3, с. 53—54; Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века. 1801—1825. Составила Т. Ливанова. М., 1960, вып. 1, с. 166; Миклашевский И. Музыкальная культура Харькова XVIII и первой половины XIX вв. Ч. 1—2, Харьков, 1947 (о Гесс де Кальве см. ч. 2, с. 53—54. Дис. хранится в библиотеке Московской гос. консерватории); Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1—2, Харьков, 1893—1904; Миклашевский И. М. Музыкальная театральная культура Харькова XVIII — першо половини XIX ст. Киев, 1967; Дурнев И. А., Якубяк Я. В. Гесс де Кальве. Музыкальная энциклопедия. Т. 1, М., 1973. В «Украинском Вестнике» (1817, № 4, с. 106—119) Гесс де Кальве напечатал статью «Сковорода, украинский философ».

Что касается диссертации Гесс де Кальве, то в ней прослеживаются три идеи, все три устремлены против недостатков философии Канта и потому могут быть сформулированы не только в положительной, но и в отрицательной форме: недовольство негативным характером диалектики Канта, критика его агностицизма и стремление преодолеть его дуализм. В положительной форме эти установки могут быть выражены в форме идей диалектичности мира (и прежде всего его противоречивости), его познаваемости и тождества бытия и мышления. Этот шеллингианский ход мысли Шада и его учеников может быть осознан как предвосхищение позиции Гегеля относительно Канта, гегелевской критики кантианства — предвосхищение постольку, поскольку в то время философия Гегеля еще не была известна в России, да к 1812 году, когда была напечатана диссертация Гесс де Кальве, еще и не была обнаружена полностью, а только созрела (в 1807 году была напечатана «Феноменология духа», первая часть «Науки логики» появилась лишь в том же 1812 году, а все остальные части системы, в том числе и вторая часть «Логики» и того позже). И конечно же, хотя и верно, что это была критика кантианства с позиций объективного идеализма, но в известном смысле это была именно та позиция, которая делает «умный идеализм», по словам Ленина, «левее» кантианского дуализма и агностицизма, а критику с этих позиций — скорее критикой «слева».

Диссертация Гесс де Кальве состоит из трех частей. В первой (§ 1—9) дается формула общей задачи философии и краткая характеристика ее истории, в которой содержится оценка роли философии Канта (см. особенно § 9). Во-вторых, исходя из некоторых шеллингианских предпосылок, кантианство подвергается критике (§ 10—14). Третья (§ 14) обобщает и завершает содержащееся во всех предшествующих частях обоснование шеллингианской философии, трех ее выделенных выше основных идей.

Лишь коротко комментируя публикацию, а не анализируя подробно диссертацию Гесс де Кальве, в самых общих чертах покажем здесь, за что же ценит диссертант философию Канта и что в ней критикует, а также что противопоставляет критикуемым идеям.

Философия Канта пришла на смену эмпиризму, реализму (который автор называет также и «материализмом») и идеализму. Давая весьма интересные и близкие к адекватным определения материализма и идеализма, разбор их несовершенств (§ 6—8), Гесс де Кальве доказывал, что Кант подверг «тщательной проверке» «универсальную способность познания, на рефлексии покоящуюся», в силу чего «философия Канта не что иное есть, как критическая философия рефлексии и тем паче заслужила достоинство одной и единственно возможной философии, разыскавши все заблуждения, кои злодействуют в принципах рефлексии, дорогу открыла к истинной философии» (§ 9). Открыла дорогу, но сама она еще не есть истинная философия. Почему? Да потому, что не справилась с теорией противоречия, с проблемой познаваемости мира, с концепцией тождества объективного и субъективного в нем.

Доказывая это, т. е. критикуя кантианство, Гесс де Кальве требует поставить на место отрицательной диалектики антиномий (которую в ходе развития философии он оценивает как «самые высокоценные заключения всей критики») положительную диалектику, которая понимается как «тщательное обращение к противоречию, наличествующему во всех принципах рефлексии», а также принцип познаваемости мира во всех его сокровенностях вплоть до «положительного знания абсолюта».

В этой связи Гесс де Кальве выдвигает на первый план критику агностицизма Канта и принцип активности познания. По Канту абсолютное непостижимо. У него «знание, кое существует о мире, пребывает всегда относительным», и предлагаемые им «формы мышления» «реальное и истинное выразить не могут», «сей способ философствования лишен подлинного духа науки. Философия столь мало может состоять в познании совершенного неведения того, из чего образуется мироздание, что сие утверждение, скорее, есть гибель и смерть всякой философии. Человек отнюдь не для того предназначен, чтобы лишь спустя долгое время и запутавшись в ошибках по-

знать, что ничего познать не может... Сего утверждения об совершенном неведении, коему подвластен человек, всяк скорее должен страшиться всей душой» (§ 13). Невозможность постижения сущностного делает неприемлемым и утверждение Канта о возможности постижения «явления как реальности».

Наряду с критикой агностицизма, Гесс де Кальве отводит претензии Канта постичь практически то, что нельзя познать теоретически (§ 11). Весьма сложным и неясным образом он обращается к практике, как категории познания, к тому, что познание не есть «чистая рефлексия», но «некое идеальное творчество», и не менее туманным способом, но все же связывает Кантов агностицизм с абсолютизацией рассудочного, рефлексивного, дискурсивного, в то время как диалектика постижения абсолютного ведет к интуитивному, хотя и «покоящемуся на разуме» (§ 12). Здесь просматривается также ход от отрицательной диалектики к положительной, к поиску некоторой особой формы логики, превосходящей дискурсивность. Вряд ли все это можно оценить только как критику «справа», хотя, действительно, как критика, так, в особенности, положительная программа замешана у Гесс де Кальве на шеллингианском тождестве идеального и реального.

Естественно, что от этой идеи тождества недалеко и до идеи божества, «абсолютного существа», как называет его диссертант (§ 5). Но вряд ли можно согласиться с тем, что, «осуждая учение Канта об антиномиях чистого разума, ученики Шада руководствовались при этом главным образом стремлением уберечь идею бога от посягательств разума» (цит. статья А. А. Пашковой, с. 305). Именно здесь позиции учеников Шада не тождественны, и Гесс де Кальве, несмотря на то, что и он критикует антиномию (и отнюдь не только с теологической, но и с чисто логической точки зрения), характеризуется религиозным вольнодумством кантианского происхождения. «Откровенная религия» занимает, по его мнению, «место философского разума» только «у человека, находящегося на низшем уровне умственной культуры», и «лишь для одной философии возможно то, что полагает позитивная религия», «философия, почерпнутая из чистейшего источника разума, благодетельностью превосходит позитивную религию» (§ 5). Здесь, скорее, идет речь о посягательствах разума на права религии, нежели о «стремлении уберечь идею бога от посягательств разума»!

Мы не будем в нашем кратком комментарии более подробно рассматривать идеи Гесс де Кальве по существу. Еще раз лишь подчеркнем, что обращение от изучения идей учеников Шада по изложениям дореволюционных авторов к изучению их по самим текстам рассеивает многие недоразумения, устраняет ряд недостатков и недоработок в анализе идей школы Шада. Его ученики при таком изучении выглядят не столь уж похожими друг на друга, и это обстоятельство, в свою очередь, ставит под сомнение тезис, о котором мы уже говорили в нашей предшествующей публикации, — тезис о том, что все эти диссертации лишь изложение идей учителя или же попросту написанные им тексты. Именно различие точек зрения, подходов, интересов, объектов, манеры критики — все это, скорее, говорит об обратном — о том, что под руководством одного профессора и в пределах единой школы шеллингианства и шеллингианской критики философии Канта в России были высказаны весьма плодотворные философские идеи. Хотя они и становились известными весьма узкому кругу специалистов, но все же двигали вперед философию — от Канта, а подчас и от Шеллинга вперед, к новым высотам. Все опубликованные нами диссертации дают основание это утверждать, и диссертация Гесс де Кальве — не в последнюю очередь.

О различии ориентаций — и не только собственно-философских, но и общенациональных — учеников Шада свидетельствует диссертация А. Дудровича, из которой мы публикуем лишь отрывок, связанный с философией Канта.

Мы уже имели возможность охарактеризовать этого ученика Шада, как тяготеющего, особенно после защиты диссертации, к официальной идеологии и ставшего в этой связи объектом критики передовых деятелей Харьковско-го университета, каким был Т. Ф. Осиповский (см. нашу книгу: Философ-

ские идеи русского просвещения. М., 1970, с. 341—342, примеч. 72 и именной указатель).

Осиповский тоже подвергал Канта критике, но с позиций метафизического материализма. Хотя Осиповский отчасти и утрачивал при этом диалектические моменты Кантовой и Шеллинговой философии, но его пропаганда была направлена на развитие опытной науки и на протест против идеализма и умозрительных спекуляций, которыми так грешил шеллингизм, несмотря на все свои преимущества перед метафизическим материализмом, поскольку был насквозь диалектичен и отстаивал права и необходимость «умозрительного», т. е. рационального момента познания.

В своей диссертационной работе А. Дудрович, с одной стороны, подобно другим ученикам Шада, высоко ценил заслуги Канта в деле преодоления догматизма предшествующей философии. Но и его не устраивает дуализм учения о феноменах и ноуменах, дуализм теоретического и практического, он требует единства их, единства «верить» и «знать» (§ 6), доказывает необходимость и возможность постижения «объективной истины» (§ 6 и § 7). Он выступает и против агностицизма Канта.

Здесь, таким образом, Дудрович выступает единым фронтом с другими учениками Шада, хотя он в гораздо меньшей степени соединяет критику Канта с изложением той (шеллингианской) позиции, с которой его критикует. Но самое важное отличие, это именно отличие его ориентации. Дудрович уже здесь, в диссертации, в качестве сверхзадачи имеет то, что впоследствии разовьется особенно в его деятельности — защиту религии, религиозной морали, философии. В философии он с самого начала искал «благополучную гавань», «божественную науку», которая должна отвести все «возражения... против истин, составляющих все достоинство человека» (§ 5). И он критикует Канта за то, что его учение «до основания низвергает все то, что служит доказательством самых святых истин» (§ 6), за то, что его учение «не принесет ничего другого, кроме систематического скептицизма в отношении всего того, что для человека свято» (§ 6). Выводы из Кантовой философии таковы, что «нужно опасаться, как бы не обмануться в идее бессмертия нашей души, ее свободы, существования Божьего». Дудрович хочет, чтобы эти истины не только были уверованы посредством разума практического, но и доказывались теоретически — вот какова устремленность его критики дуализма практического и теоретического разума, и это действительно и в отличие от критики Гесс де Кальве чистая критика «справа»!

В заключение хотелось бы сообщить читателю, что в научной библиотеке Харьковского университета имеются тексты диссертаций еще двух учеников Шада — П. Коваленского и Г. Хлаполина. Поэтому можно надеяться, что со временем будут опубликованы на русском языке и эти документы.

3. Каменский